

Кирпикова Виталия Вадимовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
kirpikovavita@gmail.com

Способы передачи реалий при переводе художественного текста с китайского языка на русский

Аннотация

Целью данной статьи был выбор подходящих приёмов перевода на русский китайских культурных реалий, вербализованных в одном современном художественном произведении, и оценка возможности применения полученных языковых соответствий для автоматического перевода текстов других жанров. Материалом для исследования послужили 17 глав оригинала повести Янь Гэлин «Тринадцать женщин Цзиньлина». Всего было выбрано и проанализировано двадцать семь узких контекстов, содержащих номинации этнографических реалий, отсутствующих в языке перевода и представляющих несомненную переводческую трудность. Результаты исследования, полученные в ходе собственной переводческой работы в необученной системе автоматического перевода OmegaT показали, что чаще всего приходилось прибегать к транслитерации, сопровождая её переводческим комментарием, помогающим русскоязычному читателю понять смысл реалии. Описательный перевод и трансформации использовались в равном количестве, но реже, чем транслитерация. Реже всего приходилось прибегать к калькированию и замене. Во многих случаях эти приёмы использовались совместно с грамматическими трансформациями. Анализ частоты употребления изученных номинаций реалий по корпусу ВСС показал, что большинство соответствий, внесённых в глоссарий системы OmegaT, будут полезны при переводе древнекитайских текстов, современных прессы и разговорной речи даже в большей степени, чем художественной литературы в силу их большей частотности в данных подкорпусах.

Ключевые слова: переводческий приём, безэквивалентная лексика, этнографическая реалия, автоматическая система перевода, частотность по корпусу

© Кирпикова В. В. 2025

Для цитирования: Кирпикова В. В. Способы передачи реалий при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 69–81. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-69>

Vitaliya V. Kirpikova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
kirpikovavita@gmail.com

Ways to translate culture-specific elements in a literary text from Chinese into Russian

Abstract

This paper aims to choose the appropriate translation techniques to convey Chinese cultural realia verbalized in one modern novel when translating into Russian as well as to assess the possibility of applying the obtained correspondences to translate texts from other genres in an automatic translation system. 17 chapters of Yan Geling's novel "Thirteen Women of Jinling" were translated using OmegaT automated system. 27 tokens containing ethnographic realia nominations were selected, all of them presenting a translation challenge as far as such realia

were missing in the Russian culture. The results obtained while training the automated system showed that transliteration accompanied by translator commentary was used more often than other techniques. The commentary helped understand the realia and its functioning. Description and transformation were applied less frequently but in similar amount. The least frequent were calking and substitution. In many cases, those techniques were accompanied by grammatical transformations. The number of the realia nominations entries in BCC corpus show that most correspondences added to OmegaT Glossary will be even more useful for automatic translation of ancient Chinese texts, modern press and oral speech than of fiction due to their higher frequency in those sub-corpora.

Keywords: translation technique, non-equivalent vocabulary, ethnographic realia, automatic translation system, frequency in corpus

© Kirpikova V. V. 2025

For citation: Kirpikova, V. V. (2025). Sposoby peredachi realiy pri perevode khudozhestvennogo teksta s kitayskogo yazyka na russkiy [Ways to translate culture-specific elements in a literary text from Chinese into Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 69–81. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-69>

1. Введение [Introduction]

Настоящая статья продолжает серию статей, посвящённых анализу сложностей перевода современного китайского художественного текста на русский язык на материале одного художественного произведения. Ранее нами были представлены способы перевода ряда метафор и фразеологизмов [Кирпикова, 2023], а также способы перевода случайных лакун [Кирпикова, 2024]. В данном исследовании мы обратились к способам перевода вербализаций китайских культурных реалий. Целью данной статьи был выбор подходящих приёмов перевода на русский китайских культурных реалий, вербализованных в одном современном художественном произведении, и оценка возможности применения полученных языковых соответствий для автоматического перевода текстов других жанров.

Взаимосвязь языка и культуры обуславливает наличие в каждом языке реалий, представляющих собой культурно-специфические явления. Реалии являются ярким примером непередаваемых элементов текста, и большинство учёных относят их к разряду безэквивалентной лексики [Ахманова, 2004, с. 381 ; Розенталь, 1985, с. 236 ; Бархударов, 1975, с. 95 ; Влахов, Флорин, 1980, с. 51 ; Швейцер, 1988, с. 108]. Самая главная трудность для переводчика при передаче реалий – это её отсутствие в языке перевода, а также расхождение в количестве и качестве значений, которыми обладают реалии, используемые в оригинальном тексте, и их эквивалентов, имеющих в словарях. То есть даже те предметы и явления, которые совпадают в разных языках, могут иметь различный функционал, а качественно одинаковые предметы и явления могут иметь различный набор денотативных и коннотативных значений. Для адекватного перевода безэквивалентной лексики переводчику необходимо знание действительности, изображающейся в произведении, над которым он работает. Только при наличии фоновых знаний возможно точно передать значение предметов и явлений, не имеющих места в языке перевода (ПЯ).

Фоновые знания в тексте ПЯ отражаются с помощью особых лексических единиц, называемых фоновыми словами. Эти слова играют важную роль при переводе художественного текста, поскольку именно с их помощью отражается действительность, имеющая место в определённой исторической эпохе в конкретном месте и лингвокультуре. Подобную лексику нужно передать таким образом, чтобы её значение было максимально понятно представителям других лингвокультур [Демонова и др., 2021, с. 145].

Поскольку текст является инструментом межкультурной коммуникации, его можно считать элементом, присущим одновременно двум системам – исходной лингвокультуре и лингвокультуре реципиента. В этом контексте сохранение национального своеобразия текста-оригинала предполагает функционально верное восприятие и передачу целого сочетания элементов, в число которых входят и реалии. Сохранение национального своеобразия текста-оригинала в процессе перевода является важным аспектом межкультурной коммуникации и требует от переводчика высокой степени профессионализма, понимания национальных реалий и культуры, а также способности передать смысл и «настроить» реципиента на соответствующую национальную культуру [Божко, 2009, с. 27].

Для квалифицированного переводчика не важно, имеет ли та или иная лексическая единица словарное соответствие. Его решение осуществляется с помощью текстовых эквивалентов. При передаче реалий переводчик выбирает из множества вариантов тот, который позволяет адекватно выразить понятый им смысл и позволит наилучшим образом отразить культурно-исторические отличия [Фененко, 2009, с. 128].

Понятие «реалия» следует чётко отличать от понятия «термин». С. Влахов и С. Флорин отмечают, что «в отличие от большинства лексических единиц, термины обозначают точно определённые понятия, предметы, явления; как идеал – это однозначные, лишённые синонимов слова (и словосочетания), нередко иноязычного происхождения; среди них есть и такие, значения которых ограничены исторически. Все это можно сказать и о реалиях» [Влахов, Флорин, 1980, с. 8–9]. Авторы также ссылаются на А. Е. Супруна и А. Д. Швейцера, которые также указывали на существование подобных лексических единиц, которые бывает трудно однозначно отнести к реалиям или терминам либо можно считать одновременно и тем, и другим, так как они находятся на стыке этих двух категорий. Однако С. Влахов и С. Флорин также обращают внимание на то, что определение «термина» можно считать устоявшимся, в то время как понятие «реалия» не имеет строгого определения и является дискуссионным [Цит. по : Влахов, Флорин, 1980, с. 8–9].

Под «термином» в современной лингвистике понимается «слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях», понятие же «реалии» трактуется неоднозначно [Фененко, 2018, с. 280].

Л. С. Бархударов определяет реалии как «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Бархударов, 1975, с. 95]. К данному виду лексики относятся слова, обозначающие предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу, например, названия блюд национальной кухни, видов народной одежды и обуви, народных танцев и т. д. Однако Л. С. Бархударов также уточняет, что не всегда легко решить, в каком случае то или иное слово либо словосочетание можно отнести к числу культурных реалий, так как окказиональный переводческий эквивалент может перейти в устойчивое словарное соответствие [Там же].

С. Влахов и С. Флорин определяют термин «реалия» как «слова, называющие элементы быта и культуры исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам» [Влахов, Флорин, 1980, с. 5–6].

Г. Д. Томахин под реалией понимает название предметов материальной культуры, явлений, специфических имен национальных героев и так далее в определённом круге нации или наций. На основании сопоставления различных языков и культур он выделяет несколько типов реалий:

1) реалии, которые характерны только одному лингвокультурному сообществу и полностью отсутствуют в другом;

2) явления или предметы, которые имеют место в обоих лингвокультурах, но характеризуются разным семантическим и ценностным наполнением;

3) лексические единицы, используемые в разных языках и обладающих схожим функционалом;

4) явления, которые присутствуют в обоих лингвокультурах и имеют схожее значение, но различаются деталями [Цит. по : Демоноваи др., 2021, с. 147].

А. А. Реформатский свою классификацию реалий строит на предметно-языковом принципе: 1) имена собственные; 2) монеты; 3) должности и обозначения лиц; 4) детали костюма и украшения; 5) кушанья и напитки; 6) обращения и титулы при именах [Реформатский, 1996, с. 112].

С. Влахов и С. Флорин предлагают несколько различных классификаций культурных реалий: 1) предметное деление; 2) местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности; 3) временное деление (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку «знакомости»; 4) переводческое деление. При проведении данного исследования нам представилось наиболее целесообразным использование классификации на основе предметного деления. Исходя из данного признака, авторы выделяют следующие типы реалий:

1) географические реалии (названия объектов физической географии; названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью; названия эндемиков);

2) этнографические реалии (названия предметов быта, труда, искусства и культуры, а также этнические объекты);

3) общественно-политические реалии (лексика, связанная с административно-территориальным устройством, органами и носителями власти, общественно-политической жизнью);

4) военные реалии (названия подразделений, оружия, обмундирования, военнослужащих) [Влахов, Флорин, 1980, с. 51–56].

Поскольку реалии относятся к разряду безэквивалентной лексики, для их передачи нами использовались следующие переводческие приёмы: 1) переводческая транслитерация и транскрипция; 2) калькирование; 3) описательный перевод; 4) приближенный перевод; 5) трансформации.

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

В экспериментальной части работы мы вновь обратились к не переведённой на русский язык повести Янь Гэлин «金陵十三钗» 'Тринадцать женщин Цзиньлина' / 'Цветы войны' (первое издание – 2007 г.). В 2011 г. была выпущена экранизация, фильм переведён на русский язык, но перевод экранизации в данном исследовании не использовался.

Оригинальный текст переводился на русский язык с применением программы OmegaT – системы автоматизированного перевода, поддерживающей память переводов. Возможности программы включают в себя сегментацию исходного текста (автоматически по предложениям на основе знаков препинания), формирование глоссария, использование точных (чётких) и неточных (нечётких) соответствий с уже переведёнными вручную и занесёнными переводчиком в систему фрагментами, а также поиск контекстов в базах данных переводов (ранее заполненных вручную переводчиком). Важность внесения в глоссарий безэквивалентных единиц, не только лексических, но и фразеологических, сложно переоценить (см. об этом в [Ли, Сун, 2023]). Перевод осуществлялся автором настоящего исследования.

В ходе работы над 17 главами произведения было выделено 27 сегментов, содержащих культурные реалии. Все эти реалии относятся к классу этнографических, что в основном обусловлено жанром и содержанием переводимого текста.

Конечно же, возникает вопрос о том, насколько востребован будет перевод изученных единиц. Для этого была рассмотрена их частотность по крупнейшему корпусу китайского языка – ВСС, – содержащему 15 млрд. иероглифов, распределённых по четырём подкорпусам: художественная литература, пресса, разговорная речь (из социальной сети Weibo) и древнекитайские тексты. Следует отметить, что на данном этапе исследования не все реалии, вызвавшие проблемы при переводе, были проанализированы с помощью поискового сервиса данного корпуса, так как некоторые из них (5 из 27) являются многозначными словами, смысл которых зависит от контекста.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Прежде всего отметим, что на протяжении всей первой главы система обучалась по мере того, как в неё вручную вносился перевод. Однако уже со второй главы система начала выдавать нечеткие совпадения, количество которых росло от главы к главе по мере их внесения в глоссарий системы. Чётких совпадений предложений целиком не было, что вполне ожидаемо для художественного текста, в отличие от научно-технического текста с высокой степенью клишированности. В глоссарий вошли в основном устойчивые сочетания, фразеологизмы и те слова, которые часто повторялись в тексте. Перейдём к рассмотрению использованных переводческих приёмов.

3.1. Анализ переводческих решений [Analysis of translation techniques]

При переводе реалий были использованы такие приёмы, как приближенный перевод, описательный перевод, транслитерация, калькирование, лексико-семантические и грамматические трансформации. Результаты подсчётов представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Переводческие техники при передаче культурных реалий
[Table 1. Translation techniques to render cultural realia]

Переводческий приём	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Транслитерация	11	40.74
Описательный перевод	5	18.52
Трансформации (лексико-семантические и грамматические)	5	18.52
Приближенный перевод	3	11.11
Калькирование	2	7.41
Замена на фразеологизм	1	3.7

Как видно из данных, представленных в таблице 1, чаще всего для передачи культурных реалий с китайского языка на русский использовалась транслитерация. В качестве примера можно привести следующий сегмент:

(1) 一个女人要做状元，她的男人做书童，搭个伴，或者也有壮胆、解闷、哄慰等功用。 – 'Если женщина хочет стать **чжуаньюанем**, её муж должен быть служкой и составлять ей компанию? Или он должен подбадривать её, развлекать да успокаивать?'

Лексическая единица 状元 является реалией, присущей исключительно китайской культуре, и подразумевает под собой «первого из сильнейших, победителя на столичных экзаменах, первого кандидата на высокую должность». Её происхождение

восходит ко временам Древнего и Средневекового Китая, когда была распространена практика проведения государственных экзаменов *кэцзюй*.

Экзаменационная система *кэцзюй* представляет собой экзамен для получения чиновничьего звания в императорском Китае. Эта система существовала с 605 по 1905 гг. [Шогенова, 2020, с. 170]. Чжуаньюанем называли того, кто занимал первое место на последнем этапе экзамена, который проводился в столице империи. В русском языке не существует полного соответствия для данной реалии, поскольку такого явления как *кэцзюй* в российской истории не было. Следовательно, в данном случае необходимо применить транслитерацию, так как описательный перевод исключается контекстом и самой структурой предложения. Обратим внимание и на синтаксическую трансформацию: на русском языке размышления персонажа правильнее выразить в вопросительной форме, хотя оригинал представляет собой утвердительное предложение. Также здесь необходимо применить переводческий комментарий, чтобы объяснить русскоязычному читателю суть понятия *чжуаньюань*.

Второе место по частоте использования при передаче реалий занимает о п и с а т е л ь н ы й п е р е в о д. Например:

(2) 仓库已经不是仓库了，是一条地下花船，到处铺着她们的红绿被褥，狐皮貂皮，原先挂香肠火腿的钩子空了，上面包上了香烟盒的锡纸，挂上了五彩缤纷的绿中、纱巾、乳罩、肚兜……四个女人围着一个酒桶站着，上面放着一块厨房的大案板，稀里哗啦地搓麻将。 – 'Подвал перестал быть обычным подвалом, он превратился в одну из **прогулочных лодок, что плавали по реке Циньхуай**: повсюду были разложены красные и зелёные постельные принадлежности, развешаны соболиные и лисьи меха, а крюки, на которых обычно висели сосиски и окорока, были пусты и обмотаны сигаретной фольгой – на них висели разноцветные газовые платки, бюстгалтеры, **дудоу** ... Четыре женщины, стоя вокруг винной бочки, на которой лежала разделочная доска, шумно играли в маджонг'.

В данном сегменте текста используются две реалии. Первая – *肚兜* – передаётся с помощью транслитерации *дудоу* и подразумевает под собой традиционное китайское нижнее бельё, квадратный кусок ткани с усечённым верхним краем и завязками на спине. В конфуцианском Китае женская фигура должна была обладать прямыми линиями, а большой бюст являлся признаком проституции, поэтому его тщательно бинтовали с помощью такого белья. В наше время *дудоу* используется как часть спального комплекта. В русском языке подобного предмета гардероба нет, поэтому здесь и было необходимо использовать транслитерацию и переводческий комментарий.

Однако в данном случае нас больше интересует вторая реалия – *花船*. Данная лексическая единица обозначает разукрашенную прогулочную лодку, галерею для прогулок, приёмов и развлечения (также для завлечения посетителей в весёлый дом), на которой девушки лёгкого поведения развлекали гостей. В русском языке полного эквивалента данной реалии не существует, поэтому для её передачи был использован описательный перевод. Кроме того, в переводе предложено расширение – *река Циньхуай* для указания на место действия (центр Нанкина, через который протекает река) и специфику самого объекта: такие лодки в Нанкине плавали по реке Циньхуай, на набережной которой располагался квартал публичных домов.

В ряде случаев приходилось прибегать к сочетанию переводческих приёмов, например, описательный перевод с генерализацией. Например:

(3) 戴涛的手已经握在瓷茶缸上，虎口张大，和四指形成一只坚硬的爪子。 – 'Во время его речи Дай Тао схватил фарфоровую чайную чашку, и его **рука** стала похожа на когтистую звериную лапу'.

Лексическая единица 虎口 является исключительно китайской реалией, которая подразумевает пространство (часть ладони) между большим и указательным пальцем. Контекст не позволяет использовать приём транслитерации, но и описательный перевод в полном объёме исходя из того же контекста невозможен. Однако вполне допустимо использовать его в сочетании с таким приёмом как генерализация. Описательный перевод данной реалии указывает на довольно узкое значение лексической единицы, т. е. на её референциальное значение. Чтобы адекватно передать это значение на русский язык, было необходимо, используя приём генерализации, заменить слово с более узким значением на слово с более широким значением, русский эквивалент которого – *рука*.

Третье место по частоте использования т р а н с ф о р м а ц и и. Например:

(4) 日本兵们对这如花少女不止是施暴和凌迟，还把她钉在永恒的耻辱柱上。 – 'Японцы не только изнасиловали и *линчевали* эту нежную как цветок девушку, но и пригвоздили её к позорному столбу'.

Лексическая единица 凌迟 не имеет единого перевода. На русский язык её можно передать как с помощью транслитерации *линчи*, так и с помощью описательного перевода *казнь «тысячи порезов»*; *совершать линчи*; *совершать казнь «тысячи порезов»*. *Линчи* – это вид жестокой казни, существовавший в Китае со средних веков до 1905 г. Во время *линчи* от тела преступника отрезали куски плоти, и продолжалось такое наказание довольно долгое время. Этот вид казни применяли в отношении преступников, совершивших тяжкие преступления, например, государственную измену либо отцеубийство. Совершалась данная казнь в основном для устрашения на глазах у толпы.

В рассматриваемом сегменте текста указывается, что японцы убили девушку, совершив над ней казнь *линчи*. Однако структура русскоязычного предложения не позволяет использовать транслитерацию либо описательный перевод. В данном случае больше подходит грамматическая трансформация, а именно замена номинации реалии глаголом со схожим значением и даже звучанием – *линчевать*. В то же время для того, чтобы объяснить русскоязычному читателю авторский замысел, необходимо использовать переводческий комментарий, поскольку *линчевание* как самосуд толпы имеет мало общего с тем, что произошло с девушкой.

Следует особо отметить и те случаи, когда лексико-семантические трансформации сочетались с грамматическими. Например:

(5) 她还让书娟看看，她也会做红菱、做豆蔻，做一切下九流的女人，破罐子破摔，摔给你看。 – 'Она хотела показать Шуцзюань, что она может стать такой же как Хунлин или Доукоу, стать *падшей женщиной*, опуститься, уронить себя'.

Лексическую единицу 下九流 можно перевести как *представители «низких» профессий*. В Средневековом Китае к таким профессиям относились певцы, музыканты, актеры, акробаты, куртизанки, воры, посыльные, портные, парикмахеры и т. д. В данном случае реалия является частью субстантивного словосочетания с частицей 的, определением к существительному 女人 'женщина', т. е. имеется в виду, что девочка может стать женщиной низкой профессии. В русском языке под этим понимается именно женщина определенной профессии, в то время как в Средневековом Китае такая женщина могла быть певицей, танцовщицей или актрисой. Следовательно, в данном случае необходимо использовать лексико-семантическую трансформацию, однако, как уже было сказано выше, реалия 下九流 является частью субстантивного словосочетания, а значит необходимо подобрать эквивалент, подходящий к существительному согласно правилу семантического согласования, так как словосочетание «женщина низкой профессии» не совсем ему соответствует. Поэтому была предложена грамматическая трансформация

«существительное → прилагательное». Таким образом, словосочетание 下九流的女人 возможно перевести на русский язык как 'падшая женщина', сохраняя и референциальное значение, вложенное в него автором, и согласование с правилами русского языка.

Далее рассмотрим использование приближенного перевода (четвёртое место по частоте использования). Показателен следующий пример:

(6) “没见过你这么傻个瓜，你跟他去了，现在就是鸭贵妃了！” – 'Не думала я, что ты настолько глупа! Если бы ты ушла к нему, то была бы сейчас уткой-наложницей!'.

Лексическая единица 贵妃 – реалия, берущая начало в Средневековом Китае и являющаяся довольно высоким титулом, который император даровал женщинам в своём гареме. Буквально он переводится как 'драгоценная супруга'. Используя же описательный перевод, данный титул можно перевести как 'государева супруга второго класса', в некоторых случаях, когда данный титул используется как обращение, его можно передать с помощью транслитерации – *гуйфэй*. Именно такое использование данной лексической единицы подразумевалось автором в данном случае. Согласно контексту, девушка определённой профессии хотела уйти второй женой к состоятельному мяснику, который торгует утиным мясом, и другие девушки, ругая её за это, дразнили тем, что тогда она будет носить титул *гуйфэй* в его доме, т. е. будет всего лишь второй женой. Однако передать авторский замысел на русский язык в полном объёме не представляется возможным. Следовательно, необходимо выбрать такой вариант перевода, который бы наиболее полно и адекватно передал данную реалию на русский язык. В данном случае возможно использовать приближённый перевод и передать реалию 贵妃 как *наложница*.

Приём калькирования занимает пятое место по частоте использования. Показательным является следующий пример:

(7) 那时杨志斌刚进入“伴读”角色… – 'В то время Ян Чжибинь только что стал её «товарищем по учёбе»...!.

Реалия 伴读 также зародилась в Средневековом Китае и связана с тогдашней системой образования. В те времена данная лексическая единица обозначала официальную должность, которая подразумевала под собой необходимость проходить обучение, составляя компанию какой-либо высочайшей особе во времена династий Сун – Мин. Таким образом реализовался один из принципов образования, сформированных ещё в Древнем Китае – принцип необходимости обучения с товарищами, поскольку «у того, кто учится один, кругозор ограничен, а познания скудны». Эта должность была очень почётной, многие знатные семьи хотели сделать своих детей *компаньонами по учёбе* принца или принцессы, или другой высокопоставленной особы, так как это позволяло наладить полезные связи и обучаться у лучших преподавателей.

В российской истории подобной должности не существовало, следовательно, было необходимо найти такой способ перевода, который позволил бы наиболее адекватно передать данную реалию на русский язык. В данном случае возможно использовать приём калькирования и перевести реалию буквально – одним словом каждый отдельный иероглиф. Иероглиф 伴 имеет значения 'товарищ, компаньон, партнёр; спутник, попутчик', в то время как 读 – 'изучать; заучивать; учиться'. В итоге получается буквальный перевод реалии – 'товарищ по учёбе' либо 'компаньон по учёбе'.

Следует обратить внимание на те случаи, когда приём калькирования сочетался с грамматическими трансформациями для наиболее адекватной передачи реалии. Например:

(8) 以后的三十年里，这幢十二层高的办公楼的朝朝代代都拿老头做圣贤人物。 – 'В течение следующих тридцати лет многими поколениями работников этого двенадцатиэтажного офисного здания старик считался *великим мудрецом*'.

В данном случае реалия 圣贤 является частью субстантивного словосочетания, определением к слову 人物 'человек; люди; лицо; личность; фигура; персона, особа'. Сама же реалия 圣贤 имеет несколько значений: 1) будды и бодхисатвы; святые; 2) прозрачное и мутное вино; 3) идеал. Нас же интересует четвёртое значение, указывающее на мудрость и таланты определённого человека. Здесь необходимо использовать приём калькирования, чтобы в полном объёме передать значение данной реалии. Как и в предыдущем примере, передадим значение каждого иероглифа, из которого состоит реалия: 圣 'гениальный, совершенно-мудрый; прозорливый, мудрый'; 贤 'умный, мудрый, талантливый [человек], способный; мудрец; талант'. В итоге реалию 圣贤 можно перевести как 'совершенно-мудрый и талантливый', трансформировав существительные в прилагательные. Однако, как было сказано выше, данная реалия является частью субстантивного словосочетания. Контекст и восприятие русскоязычного читателя не позволяют перевести словосочетание 圣贤人物 как 'совершенно-мудрый и талантливый человек'. Следовательно, здесь необходимо дополнительно применить приём семантического стяжения и перевести данное словосочетание как 'великий мудрец'. Обращение к грамматическим трансформациям неудивительно, учитывая то, что китайский и русский являются разноструктурными языками, поэтому трансформации необходимы и не только при переводе художественных текстов, но и научно-технических [Сюй, Чжэн, 2023].

Наконец, необходимо отметить случаи замены реалии на фразеологизм, при этом референциальное значение исходной лексической единицы не было потеряно:

(9) 我拿不准他们是不是在跟我唱红脸, 白脸。 – 'Я не могла понять они *волки в овечьей шкуре или всё же нет*'.

Реалия 唱红脸 пришла из пекинской оперы. Буквально она переводится как 'петь в красной маске' (в пекинской опере лица положительных героев раскрашены в красный цвет). Её также можно использовать в образном значении 'прикидываться добрым человеком'. Реалия 白脸 также относится к пекинской опере и буквально переводится как 'белая маска' (грим отрицательных персонажей). Буквальный перевод данного сегмента звучит так: «Я не могла понять, поют они в красной маске или же в белой». Русскоязычный читатель, не знакомый с китайскими театральными реалиями, не сможет понять смысл этой фразы. Между тем в русском языке существует фразеологизм, схожий с ней по значению – *волк в овечьей шкуре*. В данном случае его использование вполне оправдано, так как с его помощью возможно передать семантику данных реалий.

3.2. Частотность названий реалий в корпусе [Realia nominations in the Corpus]

Данные по употреблению 22 отобранных номинаций в абсолютных единицах представлены в таблице 2. В круглых скобках указан ранг частотности и символ, показывающий, как ранг из данного корпуса соотносится с рангом литературного корпуса, условно взятого за эталон. Знак равенства (=) означает полную тождественность, знак примерного равенства (≈) используется при расхождении на 1–2 единицы, знаки меньше / больше (</>) – при расхождении 3–5 единиц, много меньше / больше (<<</>>) – от 6 до десяти единиц, намного меньше / больше (<<<</>>>) – свыше 10 единиц. Согласно таблице 2, лишь по четырём номинациям реалий ранги в разных подкорпусах схожи (см. = или ≈). В остальных случаях расхождения рангов значительные.

Самое большое общее количество номинаций представлено в подкорпусе древнекитайских текстов, и это неудивительно, ведь все они появились в древности и сохранились до наших дней. Самое малое общее число номинаций обнаружено в подкорпусе художественной литературы. Общее количество номинаций в разговорной речи и прессе

оказалось очень схожим, но, учитывая значительно меньшее число иероглифов в под-корпусе разговорной речи, доля этих номинаций намного выше. Представленность в различных жанрах речи означает высокую востребованность изучаемых номинаций как для переводчиков, так и для методики преподавания китайского языка.

Т а б л и ц а 2. Частотность вербализаций культурных реалий (корпусные данные)
[T a b l e 2. Frequency of occurrence of cultural realia nominations (Corpus data)]

№	Реалия	Перевод	Древнекитай-ские тексты (2 млрд.)	Лит-ра (3 млрд.)	Пресса (2 млрд.)	Разговорная речь (600 млн.)
1	袍子	платье (длинное), халат	501 (15<<<<)	739 (1=)	146 (15<<<<)	210 (12<<<<)
2	二字	два иероглифа	84178 (1≈)	677 (2=)	5021 (1≈)	1551 (3≈)
3	里弄	проулок, переулок; лилун	458 (16<<<<)	399 (3=)	2334 (5≈)	749 (9<<)
4	琵琶	пипа (род люгнги)	20858 (4=)	379 (4=)	3015 (4=)	925 (6≈)
5	圣贤	совершенномудрый (мудрец) и талантливый (гений)	51353 (2>)	279 (5=)	741 (12<<)	172 (13<<)
6	状元	чжуаньюань, первый из сильнейших (победитель на столичных экзаменах, первый кандидат на высокую должность)	21098 (3>)	274 (6=)	3813 (3>)	1167 (5≈)
7	炮台	паотай («каменьетная терраса» – площадка, иногда возвышение на крепостной стене для размещения каменьетов)	8071 (8≈)	257 (7=)	1269 (8≈)	170 (14<<)
8	馄饨	вонтоны, хунтунь	967 (13<)	246 (8=)	757 (11<)	3557 (2>>)
9	苦力	кули, чернорабочий, носильщик	677 (14<)	211 (9=)	803 (10≈)	1318 (4>)
10	月饼	юэбин, лунный пряник	271 (18<<)	199 (10=)	4696 (2>>)	13112 (1>>)
11	一担	один дань	1686 (12≈)	198 (11=)	2292 (6>)	60 (17<<)
12	三更	третья ночная стража	16572 (6>>)	196 (12=)	400 (14≈)	918 (7>)
13	虎口	пространство (часть ладони) между большим и указательным пальцем	5349 (9>)	137 (13=)	1376 (7>>)	0 (22<<)
14	宣纸	сюаньчэнская бумага, сюаньчжи	116 (19<)	107 (14=)	1259 (9>)	142 (15≈)
15	凌迟	линчи (казнь «тысячи надрезов»)	3965 (10>)	73 (15=)	54 (19<)	115 (16≈)
16	贵妃	стар. государева супруга второго класса	18742 (5>>>)	68 (16=)	604 (13>)	891 (8>>)
17	过家家	играть в семью (детская игра)	8 (22<)	45 (17=)	59 (18≈)	303 (11>>)
18	下九流	представители "низких" профессий	15 (21<)	25 (18=)	36 (20≈)	13 (19≈)
19	肚兜	дудоу (традиционное женское белье)	46 (20≈)	21 (19=)	103 (16>)	327 (10>>)
20	玉楼	яшмовый терем; место сбора небожителей	8365 (7>>>)	7 (20=)	34 (21≈)	5 (20=)
21	伴读	компаньон по учёбе (высочайшей особы)	1748 (11>>>)	5 (21=)	31 (22≈)	31 (18>)
22	花船	разукрашенная прогулочная лодка	297 (17>)	4 (22=)	77 (17>)	4 (21≈)
Итого			3771	28316	24417	161163

Ранги частотности отдельных номинаций реалий в разных подкорпусах значительно варьируют. В публицистических текстах чаще всего встречаются меры веса или длины либо реалии, описывающие явления современной действительности. В остальных случаях они выполняют функцию средства выразительности, которое придаёт тексту дополнительную яркость и экспрессию. Есть номинации, крайне редко встречающиеся, например, в художественной литературе и разговорной речи (особенно №№20, 22), номинация № 13 вообще не встретилась в разговорной речи, но сравнительно часто появлялась в прессе. Интересно, что номинация № 17 крайне редко появлялась в древнекитайских текстах, но её частота употребления оказалась значительно больше в разговорной речи. Номинация № 2 – самая частотная в древнекитайских текстах – является таковой и в прессе, а разговорной речи она третья по частотности после номинаций № 10 и № 8.

В подкорпусе разговорной речи самой частотной номинацией является «лунный пряник» (№ 10), символизирующий романтическую культурную традицию, зародившуюся в древности. Это была трагическая история молодого и сильного стрелка Хоу (потомка императора), получившего за свой подвиг от богини эликсир бессмертия, и его красавицы-жены Чаньэ, которая в минуту тоски от одиночества в отсутствие супруга выпила эликсир в одиночку, стала бессмертной и, покинув мужа, улетела на луну. Каждый год, в день, когда луна становится особенно яркой и полной, разлучённые влюблённые могут видеть друг друга и Чаньэ вспоминает о своей любви и об оставленных родных. Праздник Луны в Китае практически равен по статусу Новому году. Промышленное производство лунных пряников в День Луны (15 числа 8 месяца по китайскому лунному календарю) сейчас в Китае носит широкомасштабный характер, а коробка таких пряников в День Луны – традиционный подарок родным и друзьям. Таким образом, самая высокая частотность данной номинации именно в разговорной речи очевидна.

4. Заключение [Conclusion]

Итак, в ходе настоящего исследования было выделено и проанализировано 27 узких контекстов, содержащих культурные реалии, которые были отнесены нами к разряду этнографических. Чаще всего для передачи этих реалий с китайского языка на русский использовался приём транслитерации, что обуславливалось наличием лакун в русской лингвокультуре. Во всех таких случаях транслитерацию было необходимо сочетать с переводческим комментарием, объясняющим русскоязычному читателю значения рассматриваемых понятий. К описательному переводу приходилось прибегать при невозможности применения приёма транслитерации, например когда возникала проблема избытка транслитерации в одном предложении. Приём трансформации применялся в тех случаях, когда структура русскоязычного предложения не позволяла использовать транслитерацию либо описательный перевод, а реалия являлась одним из главных членов предложения – подлежащим или сказуемым. Когда китайские реалии по своему значению были максимально близки к русским, нам удавалось выполнить приближенный перевод и замену номинации реалии на подходящий фразеологизм. Однако большое значение для их использования имел узкий контекст. При этом замена на фразеологизм применялась каждый раз, когда это было возможно, для максимального сохранения референциальных значений исходных языковых единиц. Приём калькирования использовался в основном для передачи тех реалий, которым невозможно подобрать даже частичного эквивалента. В таких случаях семантика реалии определялась иероглифами, составляющими номинацию данной реалии, т. е. каждый иероглиф в составе реалии переводился отдельно для наиболее точной передачи её смысла. Наконец, возникала необходимость сочетать несколько переводческих приёмов, например, несколько видов трансформаций (лексико-семантическую и грамматическую), калькирование и семантическое стяжение.

Поскольку многие из изученных номинаций реалий, по корпусным данным, неоднократно встречаются в разных речевых жанрах, и особенно в прессе и разговорной речи, полученные результаты в виде языковых соответствий могут оказаться полезными для дальнейшей переводческой деятельности. Формирование из них глоссария в автоматической системе перевода значительно ускорит работу переводчика и снимет сложность, связанную с наличием этих лакун в русском языке.

Библиографический список

- Ахманова, 2004 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
- Бархударов, 1975 – Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международные отношения, 1975. 240 с.
- Божко, 2009 – Божко Е. М. Место реалий в системе художественного текста // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (21). С. 27–29.
- Влахов, Флорин, 1980 – Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 360 с.
- Демонова и др., 2021 – Демонова Ю. М., Лавриненко В. А., Кемечеджиева В. П. Реалии как лингвистическое явление // Вестник Таганрогского ин-та им. А. П. Чехова. 2021. № 1. С. 144–153.
- Ли, Сун, 2023 – Ли В., Сун Ц. К проблеме машинного перевода: на примере некоторых паремий в паре языков русский ↔ китайский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 84–93.
- Кирпикова, 2023 – Кирпикова В. В. Особенности передачи метафор и фразеологизмов при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 43–52.
- Кирпикова, 2024 – Кирпикова В. В. Способы передачи случайных лакун при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2024. № 6 (887). С. 38–44.
- Комиссаров, 1990 – Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник. М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
- Реформатский, 1996 – Реформатский А. А. Введение в языковедение. М. : Аспект Пресс. 1996. 536 с.
- Розенталь, Теленкова, 1985 – Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985. 99 с.
- Сюй, Чжэн, 2023 – Сюй Х., Чжэн Ц. Языковые сложности перевода научно технических текстов с русского языка на китайский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 132–143.
- Томахин, 2007 – Томахин Г. Д. Реалии в культуре и языке. Реалия-предмет и реалия-слово // Иностранные языки в школе. 2007. № 8. С. 19–28.
- Фененко, 2009 – Фененко Н. А. Две стратегии перевода реалий // Вестник ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 121–128.
- Фененко, 2018 – Фененко Н. А. О сходстве и различии понятий «термин» и «реалия» // Языковое бытие человека и этноса : сб. науч. тр. по материалам XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018 г.) / под ред. В. А. Пищальниковой, Л. Р. Комаловой, Н. Н. Германовой. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 279–285.
- Швейцер, 1988 – Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 215 с.
- Шогенова, 2020 – Шогенова Л. А. Система государственных экзаменов для чиновников «кэцзюй» в императорском Китае // Манускрипт. 2020. Т. 13 (8). С. 170–174.

References

- Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).

- Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and translation (Issues of general and language-specific theory of translation)]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya Press. (In Russ.).
- Bozhko, E. M. (2009). Mesto realiy v sisteme khudozhestvennogo teksta [The place of culture-specific elements in the system of artistic text]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya [Almanac of Modern Science and Education]*, 2 (21), 27–29. (In Russ.).
- Vlakhov, S., Florin, S. (1980). *Neperevodimoye v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya Press. (In Russ.).
- Demonova, Yu. M., Lavrinenko, V. A., Kemechedzhieva, V. P. (2021). Realii kak lingvisticheskoe yavlenie [Culture-specific elements as a linguistic phenomenon]. *Vestnik Taganrogskogo in-ta im. A. P. Chexova [Bulletin of the Taganrog Institute Named After A. P. Chekhov]*, 1, 144–153. (In Russ.).
- Li, W., Song, Z. (2023). K probleme mashinnogo perevoda: na primere nekotorykh paremiy v pare yazykov russkiy ↔ kitayskiy [Concerning machine translation: Based on some paroemiae in the Russian↔Chinese pair of languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (4), 84–93. (In Russ.).
- Kirpikova, V. V. (2023). Osobennosti peredachi metafor i frazeologizmov pri perevode khudozhestvennogo teksta s kitayskogo yazyka na russkiy [Features of the transfer of metaphors and phraseological units while translating fiction from Chinese into Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 43–52. (In Russ.).
- Kirpikova, V. V. (2024) Sposoby peredachi sluchaynykh lakun pri perevode khudozhestvennogo teksta s kitayskogo yazyka na russkiy [Ways to translate accidental gaps in a literary text from Chinese into Russian]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta. Gumanitarnye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities]*, 6 (887), 38–44. (In Russ.).
- Komissarov, V. N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [Theory of translation (Linguistic aspects)]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Reformatsky, A. A. (1996). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to language studies]. Moscow : Aspekt Press. (In Russ.).
- Rozental, D. E., Telenkova, M. A. (1985). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms]. Moscow : Prosveshhenie Press. (In Russ.).
- Xu, H., Zheng, J. (2023). Yazykovye slozhnosti perevoda nauchno tekhnicheskikh tekstov s russkogo yazyka na kitayskiy [Language challenges in translating scientific and technological texts from Russian into Chinese]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 132–143. (In Russ.).
- Tomakhin, G. D. (2007). Realii v kul'ture i yazyke. Realiiya-predmet i realiiya-slovo [Culture-specific elements in culture and language. Culture-specific element as an object and culture-specific element as a word]. *Inostrannyye yazyki v shkole [Foreign Languages at School]*, 8, 19–28. (In Russ.).
- Fenenko, N. A. (2009). Dve strategii perevoda realiy [Two strategies for translating culture-specific elements]. *Vestnik VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Proc. of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*, 1, 121–128. (In Russ.).
- Fenenko, N. A. O skhodstve i razlichii ponyatiy «termin» i «realiiya» [The “term” and the “realia”: On similarities and differences]. *Yazykovoye bytie cheloveka i etnosa: sb. nauch. tr. po materialam XV Berezinskikh chteniy (Moskva, 25 maya 2018 g.) [Proc. of the XV Berezinsky readings “Language being of an individual and ethnos”, Moscow, May 25, 2018]* (pp. 279–285). Moscow, INION RAS Press. (In Russ.).
- Shveytser, A. D. (1988). *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty [Translation theory: Status, problems, aspects]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Shogenova, L. A. (2020). Sistema gosudarstvennykh ekzamenov dlya chinovnikov «ketszyuy» v imperatorskom Kitae [Civil Service Examination System (Keju) in Imperial China]. *Manuskript [Manuscript]*, 13 (8), 170–174. (In Russ.).